

И. П. Сусов

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА

Предисловие редактора В. И. Карабана

Послесловие Л. Р. Безуглой

*Очерк истории украинской
прагматики И. С. Шевченко*

Винница
“НОВА КНИГА”
2009

УДК 81'2 (075.8)
ББК 81.0-923
С 90

Редактор

доктор филологических наук, профессор В. И. Карабан
(Киевский национальный университет имени Т. Г. Шевченко)

Сусов Иван Павлович

С 90 Лингвистическая прагматика. – Винница, Нова Книга, 2009. – 272 с.
ISBN 978-966-382-208-2

В книге освещены основные проблемы лингвистической прагматики – того направления в современном лингвистическом функционализме, в котором изучается, как носители языка в актах общения строят высказывания для передачи друг другу смыслов и как они интерпретируют смыслы полученных высказываний, опираясь на определённые правила и принципы коммуникации. В своей концепции автор исходит из положения о тесном единстве двух начал прагмалингвистики – деятельностно-инструментального и когнитивно-семантического.

Книга предназначена для лингвистов, филологов, психологов, социологов, специалистов по речевому воздействию.

УДК 81'2 (075.8)
ББК 81.0-923

ISBN 978-966-382-208-2

- © *И. П. Сусов, 2009. Основной текст*
- © *Л. Р. Безуглая, 2009. Послесловие*
- © *И. С. Шевченко, 2009. Лингвистическая прагматика в Украине*
- © *Издательство “Нова Книга”, 2009*

С любовью

внукам Максиму, Антону, Наталии

правнуку Марку

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора (В. И. Карабан).....	8
К читателю	10
1. Семиотические истоки прагматики	15
1.1. Вступительные замечания	15
1.2. Интерпретанта Ч. С. Пирса	17
1.3. Трёхчастная модель Ч. У. Морриса	20
1.4. Логико-семиотическая модель Р. Карнапа	25
1.5. Сематология К. Бюлера.....	27
Литература к теме 1	30
2. Философия языка, лингвистика и прагматика	32
2.1. Прагматика в философии языка.....	32
2.2. Прагматический поворот в лингвистике.....	35
2.3. Роль деятельностного принципа в развитии прагматики	38
2.4. Роль фактора значения в развитии прагматики	40
2.5. Предмет прагматики: С. Левинсон	44
2.6. Предмет прагматики: Дж. Лич	46
2.7. Предмет прагматики: В.В. Богданов	48
2.8. Предмет прагматики: Н.Д. Арутюнова	49
2.9. О статусе прагматики в кругу наук.....	51
Литература к теме 2	54
3. Языковое общение как форма деятельности.....	57
3.1. Деятельностный принцип в современной науке	57
3.2. Деятельность и её структурные компоненты	59
3.3. Языковое общение.....	62
3.4. Информация и коммуникационные системы.....	67
3.5. Функциональная модель языка	72
Литература к теме 3	76

4. Прагматическое пространство Говорящего	79
4.1. Говорящий как носитель коммуникативной силы.....	79
4.2. Коммуникативные установки Говорящего.....	81
4.3. Установка Говорящего на самого себя	82
4.4. Установка Говорящего на Адресата.....	83
4.5. Дейксис.....	86
4.6. Особенности текстового общения	88
Литература к теме 4	92
5. Перформативы	94
5.1. Констативы и перформативы	94
5.2. Перформативы как элементарные языковые действия..	96
5.3. Индикаторы перформативности	98
5.4. Перформативная гипотеза в порождающей семантике	101
5.5. Трудности разграничения констативов и перформативов	103
Литература к теме 5	107
6. Речевые акты в стандартной теории	109
6.1. Речевой акт в понимании Дж.Л. Остина	109
6.2. Дж.Р. Сёрл о структуре речевого акта	112
6.3. Условия успешности речевых актов.....	114
6.4. Классификация речевых актов по Дж.Л. Остину.....	117
6.5. Таксономия речевых актов по Дж.Р. Сёрлу.....	119
Литература к теме 6	122
7. Другие опыты классификации речевых актов	124
7.1. Классификация Д. Вундерлиха	124
7.2. Классификация Г.Г. Почепцова	125
7.3. Классификация Дж. Н. Лича	126
7.4. Классификация К. Баха.....	128
7.5. Классификация В.В. Богданова.....	129
Литература к теме 7	131

8. На пути к прагмасемантике. Принцип Кооперации	133
8.1. Понятия импликации и пресуппозиции	133
8.2. Значение Говорящего	138
8.3. Принцип Кооперации и его постулаты.....	141
8.4. Понятие имплицатуры	144
8.5. Максимы Принципа Кооперации в диалоге	147
8.6. Споры вокруг имплицатуры	151
8.7. Коммуникативные постулаты Д. Гордона и Дж. Лакоффа	153
8.8. Семиотический и когнитивистский подходы к прагматике.....	155
Литература к теме 8	157
9. Небуквальные речевые акты, метафора, ирония.....	159
9.1. Косвенные речевые акты	159
9.2. Интерпретация косвенного речевого акта.....	162
9.3. Условия успешности косвенного речевого акта	163
9.4. Метафора как объект прагматического анализа.....	165
9.5. Сущность метафоры	167
9.6. Интерпретация метафорического речевого акта	169
9.7. Иронический речевой акт	170
Литература к теме 9	172
10. Теория релевантности.....	175
10.1. Исходные положения теории релевантности	175
10.2. Релевантность и познание	177
10.3. Релевантность и коммуникация	180
10.4. Релевантность и понимание	183
10.5. Релевантность и ментальная архитектура	188
Литература к теме 10	189
11. Принцип Вежливости.....	191
11.1. Категория уважительности – неуважительности	191
11.2. Принцип Вежливости и его максимы.....	194

11.3. Скалярность выражения вежливости	197
11.4. Взаимодействие основных прагматических принципов	199
11.5. Максимы Великодушия, Одобрения, Скромности и др.	201
11.6. Итоговые замечания	202
Литература к теме 11	203
12. От речевого акта к разговорному дискурсу	205
12.1. Вступительные замечания	205
12.2. Теория разговорной речи	206
12.3. Конверсационный анализ (≈ анализ разговора)	208
12.4. Процедура анализа разговорного события	211
12.5. Личность в разговорном дискурсе	216
12.6. Итоговые замечания	225
Литература к теме 12	227
Глоссарий	230
Послесловие. Прагмалингвистическая концепция	
И. П. Сусова (Л. Р. Безуглая)	249
Лингвистическая прагматика в Украине (И. С. Шевченко)	261

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Вниманию читателя предлагается книга известного российского лингвиста, основателя Тверской семантико-прагмалингвистической школы, известной во всем мире, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, участника Великой Отечественной войны, профессора Ивана Павловича Сусова. Ученый опубликовал свыше 200 научных и методических работ, среди которых такие учебники и пособия, как “Введение в языкознание”, “История языкознания”, “Грамматика говорящего. Проблемы коммуникативной грамматики”, “Общее языкознание. Программно-справочное пособие (в 2-х частях)”, “Введение в теорию языкознания. Программно-справочное пособие” и “Общее языкознание”.

Возглавляя с 1976 по 1998 гг. кафедру общего языкознания Тверского (ранее Калининского) государственного университета, проф. И.П. Сусов создал при кафедре межвузовскую исследовательскую группу “Семантика и прагматика языкового общения”, членами которой были ученые многих университетов России, Украины и других республик бывшего СССР. Его усилиями при Тверском университете был открыт специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19. — общее языкознание, психолингвистика, социолингвистика, который он возглавлял много лет. Проф. И.П. Сусов имеет 45 учеников – 37 кандидатов наук и 8 докторов наук. Он является редактором более 30 сборников научных трудов и свыше 30 монографий, учебников и учебных пособий.

Проблематика его исследований включает онтологию языка, историю языкознания, методологию и методику лингвистических исследований, фонетику и фонологию, морфологию, синтаксис, семантику, прагматику, теорию речевых актов, теорию текста, анализ дискурса и лингвометодику. На протяжении 70-х, 80-х и 90-х гг. прошлого века преимущественное внимание он уделял проблемам синтаксической семантики и прагмалингвистики. С их разработкой связана в основном вся деятельность Калининской/Тверской семантико-прагматической научной школы.

Данная книга проф. И.П. Сусова отличается значительной теоретической глубиной и широтой понимания проблем прагмалингвистики. Она состоит из 12 разделов и охватывает все основные проблемы лингвистической прагматики – семиотические истоки прагматики; философия языка, лингвистика и прагматика; языковое общение как форма деятельности; прагматическое пространство говорящего; перформативы; речевые акты в стандартной теории; другие опыты классификации речевых актов; интерфейс “Семантика $\Leftrightarrow$ Прагматика”; небуквальные речевые акты, метафора, ирония; теория релевантности; принцип вежливости; речевое воздействие. Подробную характеристику семантико-прагмалингвистической концепции проф. И.П. Сусова можно найти в “Послесловии” к этой книге, написанном доц. Л.Р. Безуглой. В книге также впервые публикуется историографический очерк проф. И.С. Шевченко “Из истории украинской прагмалингвистики”. Поскольку книга издается в Украине, то она несомненно послужит делу развития лингвистической прагматики и филологического образования в нашей стране. Уверен, что данная книга проф. И.П. Сусова будет встречена с большим интересом как языковедами, так и специалистами таких наук, как переводоведение, психология и социология.

**Проф. Карaban В.И., заведующий кафедрой
теории и практики перевода с английского языка
Института филологии Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко**

К ЧИТАТЕЛЮ

С удовольствием приветствую Вас, читателя украинского издания книги “Лингвистическая прагматика”. Она посвящена относительно новой области языкознания, сформировавшейся в течение второй половины XX века в процессе дрейфа от понимания языка как относительно жёсткой системы дискретных единиц-инвариантов к исследованию живого творческого процесса формирования единиц-действий.

С появлением прагматики в центр внимания выдвинулось рассмотрение того, как язык *используется людьми* в элементарных речевых актах и в сложных коммуникативных событиях (дискурсах), оказываясь включённым в социально-коммуникативное взаимодействие людей.

В языкознании последних десятилетий сосуществуют и взаимодействуют классический структурализм, генеративизм и набирающий силу функционализм. Его питает деятельностно ориентированная прагматика. Основные идеи прагматики как дисциплины, изучающей целенаправленное использование языка человеком, образовали тот стержень, вокруг которого происходит сейчас становление нового по духу, деятельностного по принципиальной основе, комплексного по своей структуре *лингвистического функционализма – интегральной когнитивно-коммуникативной лингвистики*.

Прагматика выдвинула на первый план не абстрактную систему, а живого человека, действующего в конкретных условиях. Поворот к объяснительному принципу деятельности придал новое звучание главной проблеме науки о языке – значению. На стыке семантики как языковедческой дисциплины и прагматики как дисциплины речеведческой бурное развитие получила семантика речи, которую можно назвать **прагмасемантикой**. В её ведении находится так называемое значение Говорящего, представляющее собой комплекс целей и намерений субъекта речевого действия. В ней обсуждаются взаимосвязи значения прямого, эксплицитного и значения скрытого, имплицитного.

В целом, можно говорить о деятельностно-прагматическом подходе к глобальному анализу целенаправленного употребления человеком звуковых сегментных и просодических структур, лексем, словоформ,

схем словосочетаний и предложений, разных видов элементарных речевых актов и их комплексов, коммуникативных ходов как звеньев межсубъектных интеракций, дискурсов разного типа – аргументативного, дипломатического, публицистического, научного, учебного и т. п.

Прагматика работает на двух уровнях анализа – поверхностном (знаковом) и глубинном (когнитивно-семантическом). Она начинала свой путь со знаковых структур (как вербальных, так и невербальных), рассматривая процессы кодирования и декодирования информации. В наше время она исследует также процессы освоения мозгом (нейрофизиологическими механизмами) внешнего опыта, становления и мутации в умственной сфере знаний о прагматических целях коммуникантов и об условиях взаимодействия субъектов.

Это не две дисциплины (или “микропарадигмы”), а одна, с двумя уровнями описания одного объекта (ср. синтаксис поверхностный и глубинный). Так, дискурс на поверхностном уровне есть линейная последовательность речевых актов или клауз, а на глубинном уровне он поддается вертикальной репрезентации, свидетельствующей о его структурной и смысловой упорядоченности.

Я приглашаю Вас совершить путешествие в эту область знания, познакомиться с историей её формирования, с её понятийным аппаратом и некоторыми методами прагматического анализа речевых произведений.

Мы вместе с Вами будем знакомиться со взглядами разных исследователей, сопоставлять их, рассматривать их сильные и слабые стороны. Нам помогут и заимствованные, и собственные примеры. Для тех, кто хотел бы пойти дальше в изучении прагматики, в конце каждой из глав приводится ориентировочный круг литературы к данной теме. Читателю потребуется прежде всего знание университетских курсов введения в языкознание, общего языкознания и истории языкознания.

В книге используются главным образом как мой собственный исследовательский и преподавательский опыт, накопившийся со второй половины 70-х гг. XX в., так и знания, накопившиеся в деятельности научной семантико-прагматической школы на базе кафедры общего языкознания (впоследствии кафедры общего и классического языкознания) Калининского / Тверского государственного университета.

В формировании теоретических основ нашей школы рядом со мной участвовали мои аспиранты и докторанты (позже уже и с опорой на своих учеников) И.Н. Аксёнова, Н.П. Анисимова*, С.А. Аристов, Ю.В. Артемьева, Е.В. Астапенко, О.Д. Белецкая, А.А. Богатырёв*, Ю.Н. Варзонин*, Л.Г. Васильев*, Р.Г. Гайнуллина, О.И. Герасимова, А.С. Горлина, В.С. Григорьева, И.В. Дорофеева, Г.Л. Другова, Т.А. Жалагина*, В.И. Иванова (Сергеева)*, В.А. Калмыков, Л.И. Кислякова, Н.А. Комина*, С.В. Крестинский, Н.К. Кънева, М.Л. Макаров*, А.С. Недобух, С.А. Недобух, Л.В. Никифорова, А.А. Пушкин, К.Л. Розова, А.А. Романов*, Л.П. Рыжова*, Л.В. Солодушникова, С.А. Сухих*, В.И. Троянов, А.З. Фефилова, Р.В. Шиленко, Р.Г. Шишкина, В.И. Юганов (звёздочками отмечены ставшие докторами наук).

Нами анализировались: место прагматики в лингвистическом знании, взаимоотношения семантики и прагматики, природа прагматических значений, прагматическая структура высказывания, прямые и косвенные речевые акты, образуемые ими цепочки (смежные пары и т. п.), диалогические структуры, дискурсы разных типов – политического, аргументативного, рекламного, учебного, оценочные акты, особенности дискурса авторитарной языковой личности, воплощение языковой личности в разговорном дискурсе, роль в дискурсе вокативных актов, акты запрета, иронические высказывания, сочетание вербальных и невербальных знаков (включая и молчание) в коммуникативном действии, роль пресуппозиций и референции, факторы коммуникативных неудач, персональный дейксис, прагматический потенциал синтаксических конструкций, этносоциокультурная обусловленность прагматических характеристик и т. д.

В распространении прагматических идей в б. Советском Союзе мы находили немало единомышленников.

У себя мы ежегодно публиковали тематические сборники, привлекая в число авторов статей по прагматике многих видных исследователей из других городов, в том числе из Киева, Харькова, Донецка. Ежегодно проводились узкотематические конференции, в которых участвовали ведущие учёные и представители молодого поколения из многих научных центров.

Нередко мы высаживали своего рода научные “десанты” (Бэлць, Вильнюс, Воронеж, Донецк, Киев, Краснодар, Минск, Нижний Новгород, Пятигорск, Рига, Самарканд, С.-Петербург, Ташкент, Харьков).

Нашими наиболее близкими в идейном плане союзниками были В.В. Богданов, Л.П. Чахоян и Г.Н. Эйхбаум (С.-Петербург), Ш. Сафаров (Самарканд), В.В. Лазарев (Пятигорск), И.А. Стернин (Воронеж), Д.Г. Богушевич и М.И. Лещенко (Минск), В. Бисениек (Рига), В. Банару (Кишинёв), из украинских коллег А.А. Прокопчук, В.Д. Калиущенко, Л.И. Кислякова, А.С. Юханов.

Одновременно с Тверской школой происходило становление Киевской школы прагмалингвистики во главе с выдающимся лингвистом Г.Г. Почепцовым. Среди её представителей Г.Г. Почепцов мл., О.Г. Почепцов, Т. Д. Чхетиани, П.В. Зернецкий и многие другие. С киевлянами нас многие годы связывал самый тесный творческий союз.

Сегодня Украина, по существу дела, лидирует в области прагмалингвистики на постсоветском пространстве. В России с большим интересом читают богатые идеями труды о речевых актах, дискурсе, коммуникативных интеракциях, импликационных значениях и т. п. В.И. Карабана, Е.Н. Стариковой и др.

Привлекают к себе самое живое внимание работы функционалистов-языковедов Харьковского национального университета И.С. Шевченко, Л.Р. Безуглой и др., посвящённые анализу явлений на стыке социативно-деятельностного и мыслительного аспектов речевых актов. Им принадлежит заслуга в глубокой разработке прагмасемантики. Новизна полученных ими результатов во многом объясняется отказом следовать догматическим утверждениям прошлого об абсолютной верности какой-то единственной концепции и признанием принципа соревновательности научных идей.

Я весьма признателен моим харьковским коллегам Ирине Семёновне Шевченко и Лилии Ростиславовне Безуглой за их взвешенные оценки ряда ключевых проблем моей прагмалингвистической концепции, не учесть которые было нельзя, и за их помощь в издании этой книги. Большое значение я придаю включаемым в книгу очерку И.С. Шевченко об украинской прагматике и Послесловию Л.Р. Безуглой с анализом моих взглядов.

Сердечно благодарю моего киевского коллегу по многим годам сотрудничества, видного украинского лингвиста Вячеслава Ивановича Карабана, который взял на себя труд по изданию этой книги под его редакцией. Думается, что выход данной книги окажется полезным для сближения позиций и расширения возможностей творческого сотрудничества прагмалингвистов и – шире – функционалистов Украины и России.

Профессор И. П. Сусов

Глава 1

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПРАГМАТИКИ

1.1. Вступительные замечания

Прагматика как область теоретических исследований и решения прикладных задач прошла в своём формировании и развитии сложный путь, опираясь на достижения многих областей знания (философия, логика, языкознание, математика, семиотика, антропология, мифология, религиоведение, этнография, искусствоведение, поэтика, риторика, нейробиология, психология, социология, информатика, когнитивистика, теория искусственного интеллекта, теория коммуникации, медицина, генетика и т. д.).

Своими корнями она уходит в **семиотику** в том её варианте, который был создан американским учёным Чарлзом Сандерсом Пирсом (Charles Sanders Peirce, 1839–1914) и развит Чарлзом Уильямом Моррисом (Charles William Morris, 1901–1979).

Заложенная Ч. Пирсом ещё в 60-х гг. 19 в. и начавшая своё шествие по миру после опубликования в 1930-х гг. многих его работ, семиотика мыслилась как метанаука, на основе которой должно было происходить объединение всех областей знания.

По своим претензиям на универсальную значимость к ней близка, но отличается от неё преимущественной ориентацией на естественный человеческий язык как наиболее развитую знаковую систему **семиология**. Её основы в общих чертах наметил швейцарский учёный Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure, 1857–1913). Она стала общим достоянием после посмертной публикации в 1916 г. его “Курса общей лингвистики”.

Особняком стоит **сематология** Карла Бюлера (Karl Bühler, 1879–1963), основные принципы которой были изложены в книге “Теория языка: Репрезентативная функция языка” (1934) в виде набора аксиом, образующих модель языка как “органона” (греч. *ὄργανον* ‘орудие, инструмент, машина’).

Прошлый век был поистине веком семиотики. В философии и многих науках он ознаменовался признанием того, что мы живём в мире знаков, что человеческая деятельность в познании и объяснении мира, создании мифов и религий, развитии культуры, в искусстве, ритуалах и обрядах, в политической практике, в отношениях между людьми как членами социума и этноса в значительной мере является знаковой (символической) по своим средствам и результатам. На семиотическом базисе сформировался структурализм как в языкознании, так и во многих смежных областях.

Классиками семиотики сегодня принято называть Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса, Ф. де Соссюра, Луи Ельмслева (Louis Hjelmslev, 1899–1965), Романа Осиповича Якобсона (1896–1982), а также Якоба фон Юкскулля (Jakob von Uexküll, 1864–1944), Эрнста Кассирера (Ernst Cassirer, 1874–1945). К. Бюлера, Ролана Барта (Roland Barthes, 1915–1980), Томаса Алберта Себеока (Thomas Sebeok, 1920–2002), Умберто Эко (Umberto Eco, р. 1932), Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993).

В развитии отечественной семиотики на начальном этапе заметную роль сыграли представители “русского формализма” Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, члены Московского лингвистического кружка Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский и др., работавший в Женеве С.О./И. Карцевский, психологи Л.С. Выготский, А.Р.Лурия и др., теоретик искусства С.М. Эйзенштейн и т. д. Должны быть упомянуты также Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев. Обзор дореволюционного и послереволюционного этапов можно найти в монографии Г.Г. Почепцова мл.

В 1960-х гг. сложилась Московская семиотическая школа (В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов, А.А. Зализняк, И.И. Ревзин, Т.Н. Молошная, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян, З.М. Волоцкая и др.). Важный вклад в семиотику внесли Б.А. Успенский, Е.В. Падучева, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов и др. Распространению семиотических идей способствовали публикации Ю.С. Степанова.

К середине 1960-х гг. произошло идейное сближение Московской школы с Тартусской (Ю.М. Лотман). На этой основе сформировалась Московско-Тартусская школа семиотики.

Но и за её пределами у нас довольно велико число философов, логиков, антропологов, психологов, социологов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, естествоиспытателей, математиков, представителей медицины и т. д., занимающихся проблемами знака, включая и его прагматические функции, хотя о прагматике как самостоятельной области занятий, тем более лингвистической прагматике, реально речи не было до последних десятилетий 20 в.

Сегодня семиотика прочно занимает место среди фундаментальных наук. Успешно развиваются семиотика литературы, семиотика искусства, семиотика архитектуры и т. д.

Наиболее готовой к выполнению новейших познавательных задач и разнообразных запросов социальной практики оказалась прагматика, вычленившаяся именно из семиотики Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса и Р. Карнапа и получившая достаточно законченный вид во второй половине 20 в. в трудах представителей философии языка и языкознания.

1.2. Интерпретанта Ч. С. Пирса

При своём появлении в языке науки термин *прагматика*, по свидетельству Ч.У. Морриса, явным образом ориентировался на философское направление прагматизма, распространённое в США с 70-х гг. 19 в. и до середины 20 в. Оно утверждало необходимость решения жизненно важных проблем не на основе отвлечённых спекулятивных размышлений, а с активных позиций в процессе целенаправленной практической деятельности в непрерывно меняющемся мире.

Одним из основоположников прагматизма как раз и явился создатель семиотики Ч.С. Пирс. Философскую эстафету он передал У. Джемсу (W. James), Дж. Дьюи (J. Dewey), Дж.Г. Миду (G.H. Mead) и др. Сам Пирс объединял в своём лице философа, логика, математика, естествоиспытателя, филолога. Высоко ценя его научные заслуги, Р.О. Якобсон иронически заметил, что Ч. Пирс был великим учёным такого масштаба, которому в своё время не нашлось места ни в одном американском университете.

Генетическая связь с чуждой диалектическому и историческому материализму философией долгое время мешала отечественным учё-

ным принять термин *прагматика*. Иногда изобреталось какое-либо “маскировочное” название. Однако уже Ч. Моррис, сам придерживавшийся принципов бихевиористской философской системы, справедливо подчеркнул, что этот термин должен получить свою собственную интерпретацию как специфически семиотический, а не философский, так как он именуется специальной дисциплиной, изучающей отношения знаков к их интерпретаторам. К тому же термин *прагматика* прочно закрепился в литературе на разных языках, он стал интернациональным, и заменять его другим, естественно, не стоит.

Ч. Пирс первым отметил важность учета в общей теории знака фактора субъекта практической и коммуникативной деятельности (последняя выступает у него как знаковый процесс, *семиозис*).

По Пирсу, знак конституирует трёхчленное отношение. В качестве членов выступают:

- а) *знак* (в его терминологии *репрезентамен*), понимаемый как знаковое средство, т.е. некая величина, имеющая физическую природу и способная замещать что-либо;
- б) производимый этим знаком другой знак, локализуемый в сознании *интерпретатора* и определяемый как *интерпретанта* первого знака;
- в) *объект*, представляемый знаком.

Понятие знака было поставлено в центр внимания. При этом признавалось, что знаки не даны сами по себе и не образуют отдельных классов объектов вне деятельности субъекта. Они возникают в *процессе семиозиса*. Знака нет вне семиотического процесса, вне деятельности интерпретатора, устанавливающего триадическое знаковое отношение. Не существует знака без воздействия на интерпретатора. Это воздействие Ч. Пирс и называет *интерпретантой*.

Интерпретанты, по Пирсу,

- (а) могут вызывать определённые эмоции (эмоциональные, или непосредственные, интерпретанты),
- (б) обуславливать какое-либо действие (энергетические / динамические интерпретанты) и
- (в) влиять на ход мыслей или поведение (логические / нормальные / финальные интерпретанты).

Ч. Пирс иногда именовал интерпретанту значением (significance, signification). В его модели знакового отношения она занимает то же место, которое в логико-философской и лингвистической традиции отводилось значению (Э. Гуссерль / E. Husserl, Г. Стерн / H. Stern), смыслу (Г. Фреге / G. Frege), означаемому (Ф. де Соссюр), содержанию (Л. Ельмслев), мысли или референции (Ч. Огден / Ch. Ogden и А. Ричардс / I. Richards). У него эта составляющая трактуется не по её предметной или концептуальной соотнесённости, а как динамический, деятельностный фактор. Интерпретанта выступает в качестве доминанты семиотического процесса. Её можно сближать с прагматической силой (как её понимает Джоффрей Н. Лич / Geoffrey N. Leech).

Ч. Пирсу принадлежит главный принцип философии прагматизма, в соответствии с которым значение должно рассматриваться в свете могущих иметь место последствий, практических результатов, а также с точки зрения выбора действий, ведущих к успеху и получению пользы. Интерпретанта как раз и вбирает в себя те моменты, которые пыталась осмыслить философия прагматизма.

Особо важно отметить такие моменты, как включение Пирсом в общую теорию знака фактора субъекта знакового действия и скрупулёзную характеристику различных прагматических видов воздействия знака на пользователя знака (интерпретатора).

Пирсу принадлежит деление множества знаков на три класса: знаки-копии, или иконические знаки, индексы и символы. Для знаков первого рода характерно их сходство со своими объектами. В последнее время лингвисты часто отмечают действие в языке принципа иконичности. Так, в знаменитом высказывании Юлия Цезаря *Veni, vidi, vici* 'Пришёл, увидел, победил' явно просматривается, что последовательность языковых компонентов соответствует последовательности описываемых событий. Анализ особенностей индексальных знаков стимулировал исследование проблемы дейксиса.

Семиотические идеи Ч. Пирса нашли применение в семиотике текста и литературы. В них исследователей привлекала возможность рассматривать текст как знаковый объект не с позиций статической системы отношений, а в перспективе процесса. Текст принимался за репрезентантен того или иного вида, рассматривалась его специфика в

зависимости от жанра текста. Учитывались объектная соотнесённость текста и его функционирование как знака иконического, индексального или символического в качестве доминанты в определённых видах литературы. С учётом соотнесённости с интерпретантой были разграничены подходы текстосемантический и текстопрагматический.

Последний подход даёт возможность с учётом разных видов интерпретант (непосредственной, эмоциональной и финальной) различать тексты-знаки:

- (1) по отношению к первому виду – экспрессивные, императивные и сигнификативные;
- (2) по отношению ко второму виду – симпатетические (эмоционально возбуждающие литературные тексты), провокационные (агитационные тексты) и конвенциональные (предполагающие знание литературных конвенций);
- (3) по отношению к третьему виду – воздействующие на формирование коллективных мнений, стилей, течений моды, идеологий и т. д.; они имеют своей целью действенное влияние на изменение способов поведения интерпретаторов.

Однако в семиотике литературы и искусства интерпретационные возможности идей Ч. Пирса всё-таки не разрабатывались активно. Лингвистическая прагматика, насколько можно судить, к ним вообще не обращалась.

1.3. Трёхчастная модель Ч. У. Морриса

Ч. Моррис (1938), опираясь на идеи Ч. Пирса и творчески их развивая, строит по существу оригинальную семиотическую теорию. Семиозис по-прежнему понимается как процесс, в котором взаимодействуют его составляющие, не определяемые сами по себе. Реляционному принципу придаётся теперь больший удельный вес.

В семиозисе взаимодействуют:

- а) **знак**, трактуемый Ч. Моррисом как знаковое средство, знакоситель (sign vehicle);
- б) **десигнат** (designatum), т.е. то, на что указывает знак, объект референции;

- в) *интерпретанта* (interpretant), т.е. воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком, иначе – обусловленный знаком тип поведения интерпретатора;
- г) *интерпретатор* (interpreter) – действующее лицо процесса семиозиса. Все эти составляющие подразумевают друг друга.

Нетрудно увидеть, что здесь представлена характерная для американского варианта семиотики односторонняя (унилатералистская) концепция знака, он понимается только как “тело знака”, как физический носитель, не заключающий в себе значения. Ф. де Соссюр в своём “Курсе общей лингвистики” развивал более традиционный для европейской науки двусторонний (билатералистский) подход к знаку, объединяя в нём две стороны – означающее (signifiant, лат. significandum) и означаемое (signifié, лат. significatum). Но в его модели знака не представлены ни денотат, ни участник знакового взаимодействия. Соссюровская модель статична и отвлечена от фактора субъекта, хотя знак в целом (и означающее, и означаемое) локализован в индивидуальной психике.

В семиотике, согласно Ч. Моррису, намечаются три раздела:

- 1) Отношения знаков к их объектам принадлежат семантическому измерению семиозиса, их изучает *семантика*.
- 2) Отношения знаков к их интерпретаторам образуют прагматическое измерение семиозиса. Изучает эти отношения *прагматика*. Данную трактовку Ч. Моррис как бихевиорист позже дополняет указанием на необходимость изучать знаки в контексте поведения, включая в предмет прагматики происхождение знаков в биологическом, психологическом и социальном аспектах, их употребление и производимые ими эффекты.
- 3) Отношения знаков друг к другу (в рамках одной знаковой системы) составляют синтактическое измерение семиозиса. Эти отношения описывает *синтактика* (или синтаксис).

Синтаксис и в семиотике, и в логике не является аналогом синтаксиса как лингвистической дисциплины. Совпадение терминов обманчиво, и попытки дополнить семиотически понимаемый синтаксис морфологией, фонологией и пр. дисциплинами традиционного лингвистического набора не меняют положения.

Знаки многофункциональны. Они: а) означают и денотируют свои объекты, б) выражают интерпретанты, в) имплицитуют друг друга.

Семантическими коррелятами знакового средства выступают денотат и десигнат (в 1946 г. получивший название *сигнификат* и в 1964 г. названный *сигнификацией*). Разграничение сигнификата и денотата в какой-то мере соответствует различению в философской семантике сигнификации (значения) и референции, а также интенционала и экстенционала понятия. Десигнат знака определяется как совокупность свойств объектов, к которым применим знак, денотаты выступают как члены класса объектов, причём этот класс может быть пустым, т.е. не содержать членов. Знак всегда имеет сигнификат, но не всегда предполагает существование реального денотата.

Денотату и референту у Ч. Морриса отводится очень немного внимания. Проблема референции стала впоследствии одной из центральных в логике и философии “обыденного языка”. Пожалуй, только германский философ-марксист Георг Клаус (Georg Klaus) попытался развести понятия сигнификата и денотата максимально далеко, вплоть до разделения семантики на семантику и сигматику. По его мнению, семантика должна ограничиться отношением знака к сигнификату как отображению объекта, а сигматике надлежит рассматривать отношение знака к денотату как объекту отображения. Он вводил, таким образом, четвёртое измерение знака. Вряд ли это радикальное решение достаточно обосновано: ведь отношение знака к объекту (денотату, референту) опосредовано сознанием, иначе говоря, сигнификатом (или десигнатом).

В сигнификате (десигнате) заключены определённые свойства объектов или ситуаций. Эти свойства учитываются интерпретатором благодаря наличию знака. **Учитывание**, имеющее опосредованный и обобщённый характер, и есть интерпретанта. А это значит, что семантическое измерение не противопоставлено абсолютно прагматическому.

Прагматический фактор вторгается в определение Ч. Моррисом семиозиса как “опосредованное учитывание”: знак выступает при этом посредником; те свойства объекта или ситуации, которые учитываются, – это его десигнат; сам процесс учитывания и есть интерпретанта

(её определение отличается от выше приведенного определения семиозиса отсутствием слова *опосредованный*); действующие лица процесса – интерпретаторы.

Интерпретатор интерпретирует нечто как знак чего-либо. Без интерпретанта нет знака и нет того, что учитывается, – сигнификата. Но и сама интерпретанта вызывается чем-то, функционирующим в качестве знака, так же как и интерпретатор, является таковым в силу необходимости опосредованно, т.е. под воздействием знака, учитывать нечто, т.е. сигнификат.

Интерпретанта у основоположников семиотики не получает однозначного определения. Ч. Пирс говорит о ней как о знаке другого знака, о воздействии первого, т.е. физического, знака на сознание интерпретатора. Для него это определённый навык интерпретатора к тем или иным реакциям на знак, навык ожидания, а также сопутствующие образы и чувства.

Ч. Моррис видит в интерпретанте учетывание определённых свойств объекта (иначе говоря, десигната), тип поведения в качестве реакции на знак, предрасположенность к реакциям того или иного рода под воздействием знака, к определённой реакции на определённый вид объекта при определённых условиях, в которых встречается знак. Интерпретанта может реализоваться в виде актов управления собственным поведением или поведением других людей.

Ч. Моррис различает интерпретанты означающие (десигнативные), оценочные и предписывающие (прескриптивные), причём каждый из трёх названных видов интерпретант соотносится с соответствующим типом сигнификаций-значений. Таким образом, интерпретанта может пониматься как поведенческий акт либо, чаще, как навык, предрасположенность к определённому поведению.

В этом смысле понятие интерпретанты близко к понятию диспозиции в современной психологии и социологии, которые учитывают предрасположенность и к определённому восприятию условий деятельности, и к определённому поведению в этих условиях, разграничивая диспозиции личности нескольких уровней: ценностные ориентации, обобщённые установки на социальные объекты и конкретные ситуативные установки.

Интерпретанта возбуждается знаком, является видом реакции на знак.

Те определения, которые встречаются у Ч. Пирса и Ч. Морриса, заставляют думать, что для них интерпретатор всё-таки скорее получатель знака, его адресат, а не отправитель. О намерениях, целях, интенциях отправителя знака, о контексте употребления у них речь не ведётся.

Ч. Моррис, опираясь на бихевиористскую теорию способов обозначения, предложил различать по характеру сигнификата знака 5 семантических модусов: идентифицирующий, десигнативный, прескриптивный, оценочный и формативный, различая, соответственно, 5 типов знаков. В прагматическом плане знак характеризуется по цели, которую интерпретатор преследует, употребляя знак.

Употребление знака может быть:

- (1) информативным (знак должен побудить интерпретатора действовать соответствующим образом);
- (2) оценочным / валюативным (знак побуждает интерпретатора к определённой оценке, к предпочтению какого-то способа поведения);
- (3) возбуждающим / подстрекающим / инцитивным (знак должен вызвать специфические реакции; инцитивно адекватные знаки называются персуативными / воздействующими);
- (4) системным (знак предназначен организовать поведение; системно адекватные знаки именуется корректными).

Комбинируя признаки модуса обозначения и признаки способа употребления, Ч. Моррис получает матрицу, в которой различаются 16 типов текста (дискурса).

На основе семиотической концепции Ч.У. Морриса Г. Клаус разработал свою гносеолого-прагматическую модель политической пропаганды.

Европейский структурализм и развивавшиеся в его русле теории семиотики текста и семиотики культуры в большей степени опирались на идеи Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и др. Лингвистическая прагматика (как и в случае с Ч. Пирсом) к концепции Ч. Морриса почти не обращалась.

1.4. Логико-семиотическая модель Р. Карнапа

Утверждению трёхчастного строения семиозиса и развитию прагматической теории в интересах логики существенно способствовал один из видных представителей логического позитивизма Рудольф Карнап (Rudolf Carnap, 1981–1951). Он ввёл в описание структуры семиотики принцип иерархии её частей.

В модели семиозиса Ч. Морриса все три измерения и, соответственно, синтактика, семантика и прагматика в известной степени равноправны. Семиотика предстаёт как совокупность связанных конъюнкцией трёх видов отношений (символ $\cap$ обозначает отношение ‘и ... и ...’) (см. рис. 1–1).

$\cap$ (*синтактика*: Знак – Другие знаки)

$\cap$ (*семантика*: Знак – Денотат / Сигнификат)

$\cap$ (*прагматика*: Знак – Интерпретанта и Интерпретатор)

Рис. 1–1. Модель семиозиса Ч. Морриса

В трактовке же Р. Карнапа семиотика тоже изучает отношения в системе, включающей знак, его интерпретатора (пользователя, т.е. отправителя и получателя) и денотат (или сигнификат). Однако в прагматике, по его мнению, все эти отношения должны изучаться в совокупности, т.е. прагматика по своему объёму тогда равна семиотике.

Абстрагируясь от отправителя знака, мы приходим к семантике. Отвлекаясь же от денотатов (или сигнификатов), мы изолируем синтактическую сферу знаковой системы. Синтактика, таким образом, вычленяется из семантики, а семантика – из прагматики. И наоборот: семантика включает в себя синтактику, а прагматика включает в себя семантику, содержащую в себе синтактику ($\supset$ – символ включения) (см. рис. 1–2).

То, что семантика предстаёт, согласно этой концепции, как частный аспект прагматики, хорошо согласуется с характером значений знаков естественного человеческого языка в контексте их употребления. Выч-

(*прагматика*: Знак – Пользователь – Денотат / Сигнификат – Другие знаки) ⊃

(*семантика*: Знак – Денотат / Сигнификат – Другие знаки) ⊃

(*синтактика*: Знак – Другие знаки)

Рис. 1–2. *Модель семиозиса Р. Карнапа*

ление же синтактики из семантики, пожалуй, скорее отражает свойства так называемых формализованных языков, которые строятся из двух частей: логического исчисления и приписанной ему семантической интерпретации. Будучи лишённым семантических правил, формализованный язык становится исчислением, т.е. чисто синтаксической, неинтерпретированной системой. И, наоборот, прибавление к исчислению правил интерпретации делает его семантической системой.

В естественном языке подобные отношения не имеют места, здесь семантическая интерпретация (и вообще функциональная сторона) присутствует изначально, а не добавляется к построенному до этого чисто формальному выражению.

Карнап трактовал семиотику и прагматику как логику. Ещё в 1934 г., в венский период своей деятельности, он опубликовал на немецком языке “Логический синтаксис языка”. В интересах философии логического позитивизма и анализа языка науки им строилась в то время математическая модель языка как расширенного исчисления предикатов. После 1936 г., занимаясь одновременно с Моррисом проблемами “унифицированного языка науки”, Р. Карнап приходит к выводу о необходимости дополнения логического синтаксиса логической семантикой, а в начале 40-х г. обращается к формальной прагматике. Он прошёл, таким образом, путь от синтаксиса к семантике, а через неё к прагматике.

Любопытно отметить, что Ноам Хомский (Avraam Noam Chomsky, р. 1928) в своих “Синтаксических структурах” (1957) строил асемантический синтаксис языка как логическую систему, включающую:

- а) алфавит неопределяемых понятий (предложение, имя, глагол и т. д.),
- б) правила формирования исходных структур (фразовых структур) – в терминах грамматики непосредственно составляющих и

в) трансформационные правила (правила преобразования исходных структур).

К семантике он пришёл лишь в 1965 г. в “Аспектах теории синтаксиса”. К прагматике в конце 1960-х гг. пришли другие лингвисты, а не сам Хомский. Он же просто отнёс прагматику к сфере исполнения (*performance*), так как она не вписывается в его понимание языковой компетенции (*competence*), включающей только знание правил синтаксиса вместе со знанием правил фонологии и семантики.

Как мы видим, логика, опираясь на идеи семиотики, в своём движении по пути “логический синтаксис – логическая семантика – формальная прагматика” намного опережала лингвистику, и причины этого следует искать в специфических условиях развития американского языкознания в структурный и постструктурный периоды.

Логическая прагматика, основы которой заложил Р. Карнап, сегодня успешно развивается.

1.5. Сематология К. Бюлера

Существенную роль в формировании прагматических идей в языкознании, без упоминания самого термина *прагматика* и без попыток вычленения соответствующей дисциплины, сыграли работы австрийского психолога К. Бюлера, особенно его фундаментальный труд “Теория языка: Репрезентативная функция языка”. Нередко его влияние было подспудным, прямые указания на источники не назывались и мысли этого исследователя воспринимались и пересказывались как нечто само собой разумеющееся.

В частности, объяснялось это тем, что читается он нелегко, а главное тем, что в американский период своей деятельности, в новом для него окружении и при недостаточном знании английского языка К. Бюлер оказался в своеобразной изоляции.

Будучи по своей основной специальности психологом и имея неплохую медицинскую подготовку, К. Бюлер, тем не менее, систематически занимался проблемами общего языкознания и методологии научного исследования, построил свою семиотическую концепцию (сематологию), ориентированную на естественный язык, что ему по-

зволяло свободно, на равных обсуждать с лингвистами трудные лингвистические вопросы. Он, например, одним из первых увидел и оценил достоинства фонологического учения Н.С. Трубецкого (1890–1938) и других представителей Пражской лингвистической школы, ориентированных на структуралистский принцип релевантности различительных признаков фонемы.

К. Бюлер сформулировал принципы науки о языке в виде набора аксиом, опирающихся на эмпирические обобщения. Он предложил различение двух речевых и двух языковых образований, охарактеризовал основные функции языкового знака, рассмотрел специфику знаков разных видов и в особенности знаков, входящих в указательное поле. Его работы во многом ещё могут быть востребованы прагматикой языка.

Оригинален подход Бюлера к языку как способу деятельности. Он различает четыре сущности:

- а) речевое действие (*Sprechhandlung*),
- б) речевой акт (*Sprechakt*),
- в) языковое произведение (*Sprachwerk*) и
- г) языковую структуру (*Sprachgebilde*).

Члены первой пары явлений характеризуются соотнесённостью с субъектом, т.е. включённостью в деятельностный контекст. Членам второй пары такая соотнесённость с субъектом не присуща, они абстрагированы от контекста, межличностны по своему характеру.

Далее, разграничиваются речевые действия и языковые произведения, находящиеся на низшей ступени формализации, и речевые акты и языковые структуры, относящиеся к высшей ступени формализации. Вероятно, по этому признаку можно представить активно обсуждаемое в современной лингвистике различие между высказыванием и предложением, в иных терминах – между актуальным и виртуальным предложением.

К. Бюлер иллюстрирует соотношение двух дихотомий таблицей, которая приводится ниже в модифицированном варианте (см. таблицу 1–1).

Знаки и знаковые образования в процессе речевого общения выполняют определённые роли. Язык, по Бюлеру, в процессе функционирования связывает отправителя знака, получателя знака и область предметов и ситуаций (положений дел). Он выполняет три функции.

Таблица 1–1:

	I <i>соотнесённость с субъектом</i>	II <i>несоотнесённость с субъектом</i>
1 <i>высшая ступень формализации</i>	речевое действие (H)	языковое произведение (W)
2 <i>низшая ступень формализации</i>	речевой акт (A)	языковая структура (G)

Знак в качестве **символа** соотнесён с предметами и ситуациями. Данную функцию К. Бюлер называет **репрезентацией** (представлением, *Darstellung*). Языкознание на протяжении многих веков занималось именно этой функцией (как основной или же как единственной). На репрезентативную функцию знака как критерий при установлении инвентаря фонем опирается Н.С. Трубецкой.

Выражая внутреннее состояние отправителя, знак выступает как **симптом**. Первоначально эта функция именовалась изъявлением, позже за ней было закреплено имя **экспрессия** (выражение, *Ausdruck*).

Будучи обращённым к слушателю, управляя его внешним поведением или внутренним состоянием, знак выступает как **сигнал**. Эта функция сперва называлась побуждением, потом за ней закрепился термин **апелляция** (обращение, *Appell*).

Одна из функций может доминировать, что не означает полного подавления двух других. Можно полагать, что репрезентативная функция находится в ведении семантики. Что касается функций экспрессивной и апеллятивной, они в основном должны исследоваться в прагматике.

Именно эту классификацию языковых функций развил далее Р.О. Якобсон. Он её детализировал и довёл число базисных функций речевой коммуникации до шести.

- (1) Установке на отправителя-адресанта (в частности на передачу его эмоций) отвечает **мотивная** функция (у К. Бюлера экспрессия).
- (2) За установку на адресата, стремление вызвать у него определённое состояние отвечает **конативная** функция (К. Бюлер говорит в этом случае об апелляции).

- (3) С установкой на сообщение, его форму связывается *поэтическая* функция.
- (4) Установка на систему языка приходится на долю *метаязыковой* функции.
- (5) *Референтивная* (иначе денотативная или когнитивная) функция связана с установкой на действительность (у К. Бюлера это репрезентация, представление; М.А.К. Халлидей / М.А.К. Halliday и Дж.Н. Лич именуют её идеационной функцией).
- (6) Установка на контакт характеризует *фатическую* функцию.

Таково в основных моментах содержание начального этапа развития прагматики. В центре внимания находятся знак, знаковое действие и его субъект, функции знака, в том числе прагматического характера, особенно интерпретанта.

Литература к теме 1

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 269–270.
2. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 389–390.
3. Арутюнова Н.Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–47.
4. Бюлер Карл. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.
5. Витгенштейн Людвиг. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 79–128.
6. Карнап Рудольф. Значение и необходимость. М., 1959.
7. Клаус Георг. Сила слова: Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967.
8. Козлова М.С. Философия и язык. М., 1972.
9. Козлова М.С. Идея “языковых игр” // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М., 1996. С. 5–24.
10. Моррис Чарлз У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37–89.
11. Моррис Чарлз У. Из книги “Значение и означивание” // Семиотика. М., 1983. С. 118–132.